

opusdei.org

Познать Его, познать себя (XIII): нет рассуждений, только созерцание!

Созерцательная молитва развивает новый взгляд на всё, что происходит вокруг нас. Это дар, который удовлетворяет наше естественное желание соединяться с Богом в самых разных обстоятельствах.

04.09.2024

Давайте подумаем, какой город сегодня является третьим по значимости в политическом или экономическом плане. В первые века это была Антиохия, бывшая в то время столицей одной из римских провинций. Мы знаем, что термин «христиане» (см. Деян 11,26) был придуман именно там для последователей Иисуса. Третьим епископом этого города был святой Игнатий, которого, приговорённого к смерти во время правления Траяна, перевезли по суше на побережье Селевкии (современная Южная Турция), а затем по морю в Рим. По пути были остановки в нескольких портах. В каждом из них он встречал местных христиан и пользовался возможностью отправлять письма в общины последователей Иисуса: «Я пишу церквам и всем сказываю, что добровольно умираю за Бога»^[1]. Святому Игнатию было ясно, что

дикие звери амфитеатра Флавиев – известного ныне как римский Колизей – станут его концом на земле, поэтому он непрестанно просил молитв, чтобы сохранять мужество. Но несколько раз в письмах епископа Антиохии мы также видим и глубины его души, его желание окончательно соединиться с Богом: «Нет во мне огня, любящего вещество, но вода живая, говорящая во мне, взывает мне изнутри: "Иди к Отцу"»^[2].

Растение с корнем на небесах

Этот шёпот, внутри святого Игнатия Антиохийского, – «Иди к Отцу», – который, вероятно, двигал его благочестивой и сакраментальной жизнью, на самом деле является сверхъестественно зрелым этапом естественного желания, которое мы все имеем – быть соединёнными с Богом. Уже

греческие философы древности обнаруживали в нашей внутренней сущности ностальгию по божественному, тоску по нашей истинной родине, «словно бы мы были растением, но не земным, а небесным»^[3]. Бенедикт XVI на своей первой аудиенции во время катехезы о молитве также пожелал обратить взор к прошлому – к Древнему Египту, Месопотамии, греческим философам и драматургам, а также римским писателям, говоря о свидетельствах стремления всех культур к Богу: «Цифровой человек, подобно человеку пещер, ищет в религиозном опыте пути преодоления своей конечности и упрочнения своего шаткого земного приключения (...). Человек несёт в себе жажду бесконечного, ностальгию по вечности, поиск красоты, желание любви, потребность в свете и

истине, которые подталкивают его к Абсолюту»^[4].

Часто говорят, что одна из самых распространённых проблем этого *шаткого земного приключения* нашего времени – это внутренняя фрагментация, порой возникающая даже неосознанно: мы испытываем противоречия между тем, чего хотим, и тем, что делаем; видим в себе стороны, которые гармонично не сочетаются, не строим повествование своей жизни как непрерывную нить со своим прошлым и будущим, не видим, как может сочетаться множество идей, которые мы восприняли, или чувств, которые испытываем... То здесь, то там мы, вероятно, множим версии самих себя. Иногда нам даже не удаётся посвятить своё внимание исключительно одной задаче. Во всех этих областях мы жаждем

единства, которое, по-видимому, не можем *создавать*, подобно многим другим вещам.

«Не является ли знаком времён то, что сегодня, несмотря на обширные процессы секуляризации, широко распространён спрос на духовность, который в значительной степени проявляется именно в обновлённой потребности молиться»^[5], – задавался вопросом святой Иоанн Павел II в начале нашего тысячелетия. Конечно же, мы замечаем, что возникают многие инициативы, как требующие личного присутствия, так и осуществляемые с помощью интернета, чтобы мы могли ценить свою способность к внутренней и внешней тишине, концентрации, гармонии между нашим телом и духом. Всё это, разумеется, может приносить нам

определённое естественное умиротворение. Но христианская молитва предлагает нам спокойствие, являющиеся не просто преходящим равновесием, но плодом целостного восприятия жизни, возникающего из близких отношений с Богом; христианская молитва, будучи даром, развивает в нас новое видение реальности, которое объединяет всё в Нём.

«Это скорее внутреннее расположение, чем ряд практик и формул; способ быть с Богом, нежели совершать культовые действия или произносить слова»^[6]. Разумеется, это *внутреннее расположение*, этот *способ пребывать* с Господом, не возникает в одночасье и не приходит без надлежащей подготовки нас к тому, чтобы Бог мог дать нам его: это дар, но также и задача.

Глаза души, размышляющей о вечности

В определённом месте своей проповеди «*К святости*», произнесённой в конце 1967 года, святой Хосемария кратко описывает путь молитвенной жизни^[7]. Мы начинаем молиться, говорил он, с простых, коротких молитв, возможно, выученных наизусть в детстве; затем начинается путь дружбы с Иисусом, на котором мы учимся входить в Его страсти, смерть и воскресение и хотим сделать Его учение своим; затем наше сердце требует различать три Божественные личности и взаимодействовать с Ними, пока мало-помалу это не заполнит наш день. Именно в тот момент основатель Opus Dei и описывает стадию, соответствующую созерцательной жизни: наступает момент, когда «мы живём изо дня

в день в этих чистых и свежих водах, впадающих в вечную жизнь. Не хватает слов, язык не в силах описать это состояние. Рассудок умиротворяется. Он больше не склонен к рассуждениям, не стремится к анализу. Он созерцает»^[8]. Тогда в определённый момент этого пути мы можем спросить себя: как связаны молитва и вечная жизнь. В каком плане молитва становится *взглядом*, а не состоящей из слов?

Через молитву мы надеемся научиться видеть вещи здесь и сейчас так, как их видит Бог; постичь происходящее вокруг нас с помощью *простой интуиции*, исходящей из любви^[9]. Это её величайший плод, и именно поэтому мы говорим, что она преображает нас. Она не только помогает нам изменить определённые подходы или

преодолеть определённые недостатки; христианская молитва направлена, прежде всего, на то, чтобы соединить нас с Богом, тем самым постепенно приводя наш взгляд в соответствие с Божьим взглядом, начиная уже здесь, на земле; определённым образом мы стремимся исцелить свои глаза Его светом. Эти любовные отношения с Богом, которым мы учимся и реализуем в Иисусе, – не просто *действие*, но то, что меняет нашу *суть*.

Это преобразование личности оказывает влияние на наш способ взаимодействия с реальностью, которое может быть даже очень практичным. Развитие в себе, с Божьим участием, этого сверхъестественного взгляда, к примеру, учит нас находить добро, стоящее за всем сотворенным, даже там, где, как нам кажется, его

нет, поскольку ничто не ускользает от Его любящего замысла, который всегда сильнее всего. Оно заставляет нас по-новому оценить свободу других, освободиться от искушения решать за них, словно бы от наших действий зависела судьба всего. Мы также лучше понимаем, что у Божьего замысла своё время и свои процессы, которые мы не должны и не можем контролировать. Созерцательная молитва заставляет нас не быть одержимыми желанием немедленно решать проблемы, но быть более расположенными к тому, чтобы открывать свет во всём, что нас окружает, включая раны и слабости нашего мира. Стремление видеть глазами Божьими освобождает нас от насильственных отношений с реальностью и людьми, поскольку мы стремимся войти в гармонию с Его всемогущей любовью, а не

препятствовать ей своими неуклюжими вмешательствами. Св. Фома Аквинский утверждает, что «созерцание имеет быть совершенным в будущей жизни, когда мы будем видеть Бога лицом к Лицу (1 Кор 13,12), и это сообщит нам совершенство радости»^[10]; сила молитвы же состоит в том, что мы можем участвовать в этом видении Бога уже здесь, на земле, даже если оно всегда «как бы сквозь тусклое стекло» (1 Кор 13,12).

В 1972 году на встрече в Португалии кто-то спросил святого Хосемарию, как по-христиански справляться с повседневными проблемами. Среди прочего, основатель Opus Dei отметил, что молитвенная жизнь помогает нам смотреть на вещи иначе, чем мы смотрели бы на них без этого тесного единения с Богом: «У нас иное восприятие;

мы видим вещи глазами души, которая думает о вечности и о Божьей любви, которая также вечна»^[11]. В других обстоятельствах он также говорил о том, что путь к счастью на небесах имеет много общего с путём к счастью на земле^[12]. Византийский богослов XIV века также писал нечто подобное: «Нам дано не только располагать и готовить себя к Жизни; нам дано жить ею и уже сейчас действовать в соответствии с ней»^[13].

Мир, покой, насыщенная жизнь

Катехизис Католической Церкви, начиная говорить о молитве, привлекает наше внимание вопросом, служащим как постоянное испытание совести: «Откуда исходит наша молитва? От нашей гордыни и нашего своеволия или "из глубины" (Пс 130, 14) сердца смиренного и

сокрушенного?» И затем сразу же переходит к напоминанию нам о фундаментальной предпосылке молитвы: «Возвышается унижающий себя. Смирение есть основание молитвы»^[14]. И действительно, тот *взор вечности*, который порождает в нас созерцательная молитва, может прорасти лишь на плодородной почве смирения, в атмосфере открытости к решениям Бога, а не сугубо нашим собственным. Иногда чрезмерная уверенность в своём интеллекте и навыках планирования может привести к тому, что на практике мы будем жить так, словно Бога не существует. Нам всегда нужно вновь смиряться перед лицом реальности, перед лицом людей, перед лицом истории, чтобы это смирение было плодородной почвой для Божьих действий. Папа Франциск в своей катехизисе о молитве обратился к

опыту царя Давида: «Мир перед его глазами не безмолвная сцена: его взгляд улавливает за разворачивающимися событиями более значимую тайну. Молитва рождается именно из этого: из убеждения, что жизнь – это не то, что ускользает от нас, но что она – удивительная тайна»^[15].

Тогда, приобщившись ко взгляду, который предлагает нам созерцание в миру, мы, насколько это возможно, удовлетворим своё стремление к единству: с Богом, с другими и с самими собой. Мы будем удивлены, когда, неустанно трудясь на благо других и Церкви, увидим, что наши таланты расцветают, «как дерево, посаженное при потоках вод, которое приносит плод свой во время своё» (Пс 1,3). Мы уловим частичку той гармонии, к которой мы предназначены, будем наслаждаться спокойствием,

которого не найти никаким другим способом. «Скачка, действие, лихорадочное безумие движения... И всё потому, что взор обращен только к настоящему. А ты гляди глазами вечности, ибо в твоём настоящем всё имеет начало и конец... Тогда ты обретёшь мир, покой и насыщенную внутреннюю жизнь»^[16]_____.

.....

^[1]_____ Св. Игнатий Антиохийский, *Послание к римлянам*, п. 4.

^[2]_____ Св. Игнатий Антиохийский, *Послание к римлянам*, п. 7.

^[3]_____ Платон, *Тимей*, 90а.

^[4]_____ Бенедикт XVI, Аудиенция, 11-V-2011.

[5] Св. Иоанн Павел II, апостольское послание *Novo Millennio Ineunte*, п. 33.

[6] Бенедикт XVI, Аудиенция, 11-V-2011.

[7] Ср. св. Хосемария, *Друзья Божии*, п. 306.

[8] Там же, п. 307.

[9] Это томистская концепция созерцания, известная как «*simplex intuitus veritatis ex caritate procedens*».

[10] Св. Фома Аквинский, *Сумма теологии*, II-II, в. 180, р. 4.

[11] Св. Хосемария, Примечания о семейной встрече, 4-XI-1972.

[12] Ср. св. Хосемария, *Кузница*, п. 1005.

^[13] Николай Кавасила, *О жизни во Христе*, Издательство *Rialp*, Мадрид, 1958, с. 89.

^[14] *Катехизис Католической Церкви*, п. 2559.

^[15] Франциск, Аудиенция, 24-VI-2020.

^[16] Ср. св. Хосемария, *Путь*, п. 837.

Андрес Карденас Матуте

pdf | document generated
automatically from [https://
dev.opusdei.org/ru-kz/article/poznat-
ego-poznat-sebia-xiii-net-rassuzhdenii-
tolko-sozertsanie/](https://dev.opusdei.org/ru-kz/article/poznat-ego-poznat-sebia-xiii-net-rassuzhdenii-tolko-sozertsanie/) (05.08.2025)